

УДК 94 (516):81'272 (47)

**МОДЕРНИЗАЦИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ ТУРКЕСТАНСКОГО КРАЯ
В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ФАКТОРЫ НЕЭФФЕКТИВНОСТИ**

О.Л. Сумарокова

Определяются и анализируются факторы, обусловившие влияние на неэффективность модернизационной политики Российской империи в отношении конфессиональной образовательной системы Туркестанского края.

Ключевые слова: Туркестанский край; мусульманский вопрос; конфессиональная школа; мектеб (мактаб); медресе; русский язык; просвещение; модернизация.

**THE MODERNIZATION OF THE RELIGIOUS SCHOOLS OF TURKESTAN
IN THE CONTEXT OF THE STATE LANGUAGE POLICY
OF THE RUSSIAN EMPIRE: THE REASONS FOR THE FAILURE**

O.L. Sumarokova

The article is devoted to the definition and analysis of the factors influencing the inefficiency of the modernization policy of the Russian Empire in the religious educational system of Turkestan region.

Keywords: Turkestan; Muslim question; religious school; Mekteb; Madrasah; Russian language; education; modernization.

Конфессиональной школе Туркестанского края теоретически отводилась одна из ключевых ролей в деле внедрения “русских начал” в мусульманскую среду среднеазиатского региона и проведение через нее политики “сближения”, несмотря на исторический антагонизм христианской и исламской цивилизаций. Ее идеологическое и политическое влияние на массовое сознание мусульманского контингента региона было настолько велико, что, обретя в ее лице союзника, Российская империя в короткие сроки могла бы констатировать факт культурного покорения своих азиатских граждан и обретения в их лице “истинных подданных русского государства” [1, с. 2]. Добиться этого можно было лишь путем реформирования с благословения магометанского духовенства традиционной исламской школы, находившейся в бедственном, с точки зрения научного потенциала, положении, используя “главный рычаг” империи – русский язык [2, с. 75]. Ставка на него делалась неслучайно: ввиду отказа государства от распространения в Средней Азии идей православия как основы сближения новых подданных империи с ее коренными жителями, русский язык представлялся

единственно значимым и эффективным интегрирующим фактором.

Однако включить духовную сферу общественной жизни мусульман в связи с учреждением Туркестанского края в процесс государственного правового регулирования оказалось задачей трудноразрешимой. С момента присоединения Средней Азии к России российское правительство так и не выработало продуктивных механизмов взаимодействия с мусульманскими священнослужителями, составлявшими, по мнению современников, “стихийную, но осознанно стойкую оппозицию новой чужеземной власти” [3, с. 251]. Этот и ряд других факторов, анализу которых посвящена данная статья, обусловили волнообразный характер государственной политики в отношении магометанских учебных заведений в Туркестанском крае, в частности по введению русского языка в курс медресе, дав конфессиональной школе возможность интенсивно развиваться по своим внутренним законам, в корне противоречившим интересам российского государства.

Ключевой идейной базой исламской политики Российской империи в Туркестанском крае служил

принцип “отомрет само”, основанный на недооценке жизнеспособности магометанской культуры. “...Мусульманство как догмат ничтожно и не представляет ничего опасного нашим целям” [4, с. 177], – заверял К.П. фон Кауфман. Такое заключение было близко многим кауфмановским преемникам, ставшим заложниками фактора “недооценки”: во внутреннюю силу мусульманства не верили в основном под влиянием господствовавшего тогда представления о Турции, как о больном организме, неспособном к пробуждению и прогрессу. А потому и конфессиональная школа, по мнению туркестанских администраторов, в глазах народа рано или поздно должна была себя дискредитировать. До тех пор вопрос “положительного преобразования медресе и мектебе” должен был оставаться открытым ввиду политики “строгого необходимого невмешательства” [4, с. 440].

Фактор “покровительства исламу” отмечен нами в связи с действовавшей в Российской империи в отношении российских мусульман политики веротерпимости, безусловно являющейся важным атрибутивным признаком современного цивилизованного государства. Однако в стремлении тщательно очистить государственно-правовую идеологию от этнического и религиозного компонентов, официальная власть в тех или иных ситуациях грешила подменой понятия “веротерпимость” понятием “покровительства”, которое оказывалось различного рода исламским проектом.

Политическая алогичность вызывала негативную реакцию в общественных кругах. “У нас, однако-же, смешивали иногда веротерпимость с покровительством, а между тем это две вещи разные”, – утверждал военный востоковед и историк М.А. Терентьев [5, с. 346].

Полномасштабной государственной координации работы медресе и мектебе в Туркестанском крае препятствовал фактор “административно-законодательного ступора”, проявлявшийся в том, что практически ни одно серьезное предложение по изменению системы государственного регулирования ислама в России так и не было реализовано. Объяснения имперских чиновников причин такого положения дел звучали примерно так: частные вопросы духовной жизни мусульман нельзя решить без подготовки общего кардинального решения по мусульманству, и это произойдет, но не сейчас, а, вероятно, тогда, когда будет преодолен фактор крайнего “дефицита специалистов”, которые владели бы местными языками, а также элементарными знаниями о природе ислама.

Этот факт неоднократно отмечался российскими политиками и исследователями. Так, в изданном 8 августа 1898 г. циркуляре № 10 Духовской признавался:

“Замечено мною, что многие из лиц, служащие как в войсках, так равно по административно-полицейскому и другим отделам гражданского управления Туркестанского края, недостаточно знакомы с самыми существенными чертами ислама и обуславливаемой им организацией религиозного быта мусульманского населения определяющего собой весь порядок их внутренней жизни” [6, л. 2].

Инертность в разрешении исламского вопроса сложилась отчасти под воздействием обстоятельств внешнего плана: невозможно было не учитывать геополитическое положение Средней Азии, населенной на 98 % адептами Мухаммеда, система ценностей которых во многом не согласовывалась с системой, позиционируемой империей. А потому, с одной стороны, правительство не могло не учитывать фактор “внешней конъюнктуры”, заключавшийся, со слов С.Ю. Витте, в том, что “силою вещей мусульманский Восток с каждым годом приводится все в более близкое соприкосновение с культурными народами Европы и начинает для них служить ареною соперничества за политическое влияние” [7, с. 254]. Политик признавался, что при таких обстоятельствах едва ли для России было бы выгодно и соответствовало бы ее задачам в Средней Азии и вообще на Востоке, чтобы имя Белого Царя стало ассоциироваться с силой, хотя и могущественной, но враждебной и нетерпимой по отношению к мусульманству.

С другой стороны, 8 млн мусульман, составлявших исламскую общину Туркестанского края, опасаясь раствориться в “российской имперской общности”, в “едином государственном теле”, внешне мимикрируя, упорно сопротивлялись любым новациям, пытавшимся оказать влияние на традиционные конфессиональные устои, в частности образовательные.

Любопытный случай был рассказан лично Кауфманом Остроумову 24 ноября 1877 г. во время дискуссии о том, стоит ли принимать мусульманские школы под надзор русского инспектора училищ. Из пересказа Остроумова следовало, что, осмотрев однажды одно из медресе города Ташкента, Кауфман, “сообразуясь с туземным обычаем, подарил старшему мударрису (учителю) несколько халатов. Халаты были приняты с восторгом, нарасхват. Затем он спросил учащихся (мулл), в числе которых уже были пожилые: знают ли они, что такое Россия, их новое отечество, как она жила прежде и как достигла настоящего своего величия? – Муллы молчали. Тогда генерал сказал: “В таком случае я окажу вам свое содействие – пришлю к вам русского учителя, который научит вас истории и географии”. – Сарты сделали обычный поклон, приложивши обе руки к животу (такой поклон служит у туземцев символом беспрекословного повиновения и называется “кулдук”, т. е. рабская

покорность). Но по лицам их было заметно, что это предложение было принято ими далеко не так охотно, как халаты” [8, с. 30].

По возвращении домой генерал поручил русскому городничему разведать, почему туземцы отнеслись гораздо хладнокровнее к идее появления в их школе русского учителя, нежели к халатам. Из доклада следовало, что “мусульмане не только не рады такому вниманию к их школе со стороны генерал-губернатора и такой заботливости его об их школах, но чуть не плачут от горя, потому что русский учитель своим пребыванием в их школах делает школы в глазах народа нечистыми” [8, с. 31].

“При управлении своими среднеазиатскими владениями, – предупреждал известный этнограф М.А. Миропиев, – мы не должны обольщаться внешним, наружным спокойствием их, а должны быть всегда на страже и зорко следить за всеми проявлениями народной, а тем более религиозной жизни населения, которое веками и даже тысячелетиями воспиталось в разных смутах, междоусобицах и изменах” [2, с. 391].

Консервативность мышления туркестанцев и религиозный фанатизм вынуждали правительство, учитывая факторы “*резистанса*” – сопротивления – и “*формальной мимикрии*”, с опаской относиться к любым проявлениям недовольства со стороны населения среднеазиатского региона, на несколько шагов вперед просчитывая риски любых действий, касающихся реформирования социальных исламских институтов. Проследим судьбу некоторых проектов, касавшихся введения русского языка в программу исламских школ.

Летом 1884 г. генерал от инфантерии Н.О. Розенбах, только что назначенный на должность туркестанского генерал-губернатора, собрал в Ташкенте особую секретную комиссию, на которую возложил выяснение вопроса о том, что нужно и можно предпринять в сфере интеллектуальной жизни туземного населения. Полученные рекомендации сводились к “признанию желательным и полезным приступить к распространению среди населения знаний русского языка и общеобразовательных предметов в надежде...” [9, с. 78–79].

В то же время, опасаясь проявлений недовольства со стороны коренных жителей края, связанных с появлением русского учителя в туземной школе, генерал-губернатор обратился к министру народного просвещения с ходатайством об учреждении должности особого инспектора для заведования туземными мусульманскими школами края. Назначенный на нее В.П. Наливкин тут же приступил к всестороннему изучению внутренней жизни подведомственных ему конфессиональных школ. За три года, с 1890 по 1893 г., им было осмотрено около двухсот

медресе. Составленные в результате обследования отчеты позволили ему выработать план постепенного реформирования традиционного уклада медресе. Красной нитью через него проходила идея – не посягая на преподавание мусульманского богословия и права, ввести в учебные программы магометанских училищ различные “русские курсы” – от классов русского разговорного языка до светских общеобразовательных наук.

На необходимости обязательного изучения русского языка в туземных школах настаивал А.Ф. Керенский, в 1889 г. назначенный на должность Главного Инспектора училищ Туркестанского края. “Неотразимая сила обстоятельств, – писал он в статье “*Медресе Туркестанского края*”, опубликованной в Журнале Министерства народного просвещения, – привела к тому, что туземец, ищущий этой деятельности (речь идет о сфере мусульманского образования. – О.С.), должен понимать русский язык. <...> Доселе однако, русскому языку не дано места ни в одном медресе, а их в крае сотни. <...> Иначе всякие мероприятия не только к благоустройству, но и к дальнейшему поддержанию мусульманских школ в их настоящем виде были бы не согласны с интересами русского правительства и бесполезны для новых подданных его. Русскому учителю пора занять в мусульманском медресе подобающее место” [10, с. 50–52].

В 1898 г. с ходатайством о введении в течение трех лет в существующие в регионе медресе обязательную для обучения дисциплину “русский язык” выступило Военное министерство [7, с. 217–220]. Этот шаг должен был, по мнению ведомства, послужить ограничению вредного влияния конфессиональных школ на умы своих учащихся. Намерение, данное частично, было исполнено лишь в 1901 г. Наливкиным, имевшим огромный авторитет в среде исламского духовенства Туркестанского края. Ему удалось убедить руководство медресе-мечети города Кува Маргиланского уезда в необходимости и полезности изучения русского языка и организовать его преподавание. Задуманное Наливкиным предприятие вызвало скептические комментарии большинства чиновников, однако оказалось долговременным и успешным. Этот эксперимент дал ему надежду на успешную реализацию задуманного им еще в 1893 г. проекта, которому все же не суждено было реализоваться из-за противодействия главного инспектора Ф.М. Керенского, испытывавшего к Наливкину личную неприязнь, а также боязни военных губернаторов областей вызвать резкую оппозицию исламского клира.

В мае 1905 г. Министерством народного просвещения было организовано Особое Собрание по вопросам образования восточных инородцев. Вновь

рассуждая об открытии классов русского языка при медресе, члены Совещания признали их полезными “лишь постольку, поскольку они являются проводниками в магометанскую среду русских идей, отечественного образования” [11, с. 100]. Однако повсеместное их открытие было признано задачей сложной, в первую очередь, по причине отсутствия специалистов-билингвов. Решением этой проблемы посчитали предложение Н.А. Бобровникова – открывать на каждые 600–1500 человек не более одного класса государственного языка, в котором число слушателей равнялось бы приблизительно 5 % всего мужского населения, – хотя и это число на первое время казалось не вполне достижимым [11, с. 82].

31 марта 1906 г. по итогам работы Совещания Министерством просвещения были утверждены “Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России”, предписывавшие открытие при конфессиональных иноверческих училищах на средства правительства, обществ или частных лиц классов русского языка. Согласно п. 33, “заведующее таковым училищем лицо должно состоять в русском подданстве и иметь образование не ниже курса одноклассного училища министерства народного просвещения” [12, с. 5–6], а значит пройти курс русской грамоты.

2 января 1907 г. правительство было вынуждено внести в Правила серьезные правки, ввиду последовавшей со стороны мусульманских лидеров России протестов. Фактически администрации пришлось отказаться от меры требовать от мулл знания русского языка, так как ввиду категорического нежелания мусульманского духовенства изучать русский язык, магометане рисковали остаться без слугителей культа. В свою очередь, открытие классов русского языка при медресе являлось делом добровольным, но ни в коем случае не принудительным.

Многочисленные попытки сделать русский язык предметом изучения в конфессиональных школах Туркестанского края так и не увенчались успехом. Более того, в подготовленном Столыпиным представлении Министерства внутренних дел в Совет министров от 15 января 1911 г. за № 535 “О мерах противодействия панисламскому и пантуранскому (пантюрокскому) влиянию среди мусульманского населения” было заявлено, что правило ввести русский язык в конфессиональные школы “послужило для проводников панисламской идеи основанием для постепенного превращения конфессиональной магометанской школы в общеобразовательную. <...> Данные применения этой меры показывают, что русские классы при мектебе и медресе там, где они открывались, не имели результатом усвоения учащимися русского языка, но только прикрывали собою введение в названные школы общеобразова-

тельных предметов, изучавшихся исключительно по-татарски или по-турецки и при том в специфически пантюрокском освещении” [7, с. 322].

Невзирая на промахи в работе “государственной машины”, а также предубеждение коренного населения среднеазиатского региона, будущее русского языка в Туркестанском крае было исторически предрешено: правовой статус, потенциальные возможности и преимущества государственного языка определили необратимость процесса его распространения среди тюркских народов Российской империи, дав тем самым мощный толчок развитию национального самосознания, национальных культур, а также национальных языков народов, населявших Туркестанский край.

Литература

1. Яковлев П. Современные вопросы и нужды в деле просвещения инородцев: сборник статей по инородческому делу / П. Яковлев. СПб., 1907. 14 с.
2. Миропиев М.А. О положении русских инородцев / М.А. Миропиев. СПб., 1901. 519 с.
3. Глуценко Е.А. Россия в Средней Азии: завоевания и преобразования / Е.А. Глуценко. М., 2010. 338 с.
4. Проект всеподданнейшего отчета Ген.-Адъютанта К.П. фон-Кауфмана по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 7 ноября 1867 – 25 марта 1881 г. СПб., 1885. 503 с.
5. Терентьев М.А. Россия и Англия в Средней Азии / М.А. Терентьев. СПб., 1875. 354 с.
6. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И–1. Оп. 11. Д. 1724. Л. 2.
7. Императорская Россия и мусульманский мир: сборник статей / сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006. 480 с.
8. Константин Петрович фон Кауфман, устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881 гг.). Ташкент, 1899. 286 с.
9. Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь / В.П. Наливкин // Мусульманская Средняя Азия. Традиционализм и XX век. Т. 1. М., 2004. С. 22–107.
10. Керенский Ф.М. Медресе Туркестанского края / Ф.М. Керенский // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1892. Шестое десятилетие. Ч. ССLXXXIV. Ноябрь. С. 18–52.
11. Труды особого совещания по вопросам образования восточных инородцев / под ред. А.С. Будиловича. СПб., 1905. 366 с.
12. Правила о начальных училищах для инородцев живущих в восточной и юго-восточной России. (Препровождены к Попечителю казанского учебного округа при предложении г. министра народного просвещения от 24 апреля 1906 г. за № 8409). Казань, 1906. 13 с.